

Наталья Пятаева

Стерлитамакская государственная педагогическая академия
Россия

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Key words: etymological family of words, genetic paradigm, pan-Slavic roots, the Russian historical lexicology, Common Slavonic's picture of the world

Введение

В статье рассматривается праславянское состояние этимологических гнезд (ЭГ) *dati, *ber-, *jēti, *nesti¹, объединяемых в генетическую парадигму *давать//дать* → *братъ* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать* на основании пересечения значений общеславянских корней, лежащих в их основе. Проблема, заявленная в статье, связана с одной из самых существенных и весьма сложных задач русистики наших дней – задачей создания полного и систематического очерка русской исторической лексикологии, предмет которой можно определить как исследование словарного состава языка в его изменениях во времени, опирающееся на изучение истории отдельных слов и классов слов, объединяемых на основании общности происхождения и семантики, каковыми являются такие крупные группировки слов, как лексические гнезда (ЛГ).

Генетическая парадигма (*давать//дать* → *братъ* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*)

Осуществление этой задачи возможно на основе динамического (синхронно-диахронического) подхода к изучению семантической структуры всего ЛГ, что даёт возможность проследить его функционирование в истории языка,

---

¹ *dati, *jēti, *ber-, *nesti – условные обозначения общеславянских корнеслов и корней на фоне других существующих вариантов.

объяснить многие факты его современного состояния и обнаружить скрытые межгнездовые генетические связи, способствующие образованию в истории языка ещё более крупных системных образований, чем ЭГ.

Так, в процессе исследования праславянской и древнерусской семантики синонимичных ЛГ *ber- и *jēti ‘братъ, взять’ была обнаружена генетическая связь их значений с семантикой ЛГ *dati (дать, давать) и *nesti (нести). Семантический ряд, образуемый вершинами этих ЛГ, мы назвали *генетической парадигмой*. Опорные слова этого ряда (давать//дать → брать → взять → иметь → нести → давать) объединены последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы: ‘приобщаемый объект’ и ‘действие субъекта, направленное на приобщаемый объект’. Семантическое пересечение этих лексем обусловлено синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *dō- имел значения ‘дать//давать’, ‘братъ’, ‘нести’; и.-е. *bher- ‘нести’ (отсюда более поздние *бремя, беремья, беременная*), синонимичный праслав. *nesti, в праславянском развивает значение ‘братъ’, сближаясь с и.-е. *em- ‘братъ//взять’, который позднее приобретает значение ‘иметь’, существующее параллельно с изначальным на всём протяжении истории русского и родственных славянских языков (см. рис. 1).

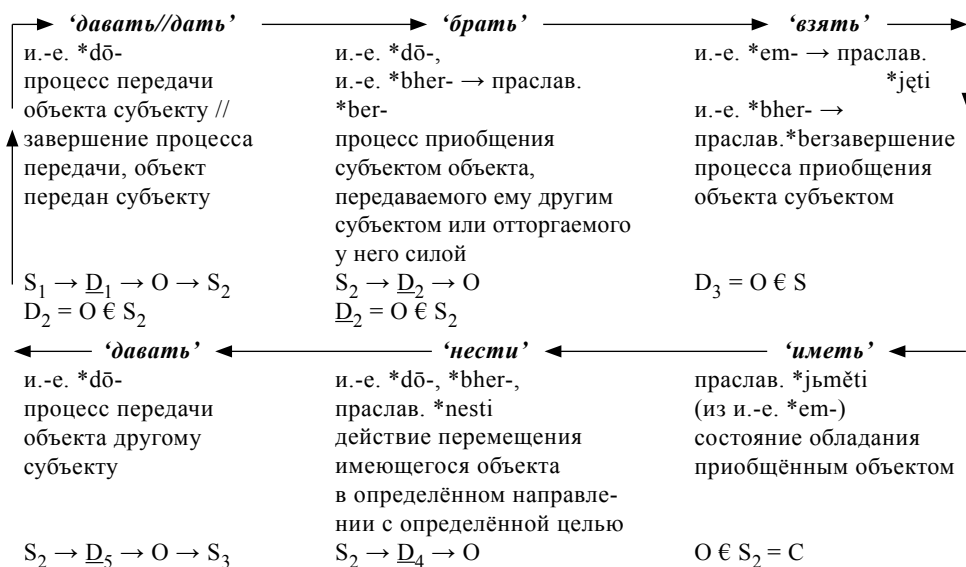

Рис. 1. Схема семантической пересеканности вершин этимологических гнезд генетической парадигмы

Условные обозначения: D – мгновенное, точное действие, ограниченное пределом; D – процесс, длительное действие, не ограниченное пределом; O – объект, на который направлено действие; S – субъект, производитель действия; C – состояние, которое испытывает субъект; € – принадлежность

Праславянский глагол *dati, возглавляющий первое ЭГ генетической парадигмы, продолжает и.-е. корень *dō- и заложенную в нём семантику ‘давать, дарить что-л.; отдавать, выдавать (замуж); продавать; оплачивать, выплачивать (жалованье, штраф)’. В хеттском корень *dō- имел значение ‘брат’, один из глагольных дериватов др.-инд. dā – dāga означал ‘брат в жёны, жениться’, следовательно, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что в и.-е. значения ‘давать’ и ‘брат’ синкретично были соединены в одной словесной форме как универсальном обозначении обмена, занимающего важное место в праиндоевропейской картине мира. Подтверждением сказанного может служить наличие в большинстве и.-е. языков не только глагольных форм с корнем *dō-, но и древнейших именных производных на -по- и -го-: санскр. dānā, dānam ‘дар, дарение; пожертвование; оплата, уплата; подкуп, взятка’, dāga ‘брат в жёны, жениться’, лат. dōnum, гр. dōnon (δῶρον), арм. tug, слав. datŭ (даръ).

Эти формы хорошо сохранили древнее чередование [-г/-н-] – маркер архаичного типа склонения, называемого гетероклитическим, которое часто обнаруживается благодаря сосуществованию производных на -г- и -н-. В греческом имеется ряд однокоренных именных форм, различающихся только способом словообразования и обозначающих ‘дар’: 1) dōs (δῶς), 2) dōnon (δῶρον), 3) dōgeá (δῶρεά), 4) dōsis (δόσις), 5) dōtíne (δωτίνη). Однако эти слова нельзя считать абсолютными синонимами: они обнаруживают общность лишь концептуального ядра лексического значения, каковым является сема ‘дар – то, что даётся’, различаясь оттенками и условиями употребления: dōs (δῶς) ‘приданое; дар как средство установления выгодных отношений’, dōnon (δῶρον) – ‘дань’, dōgeá (δῶρεά) – ‘акт приношения даров, дани’, dōsis (δόσις) – ‘награда за выполнение какой-либо миссии’, позднее употребляется как медицинский термин, означая количество данного лекарства – доза, dōtíne (δωτίνη) – ‘дары, дар, предоставляемый по уговору, согласно обязательствам, накладываемым соглашением, союзом, дружбой, гостеприимством’.

Эта особенность и.-е. корня *dō- продолжается и в праславянском языке, где в составе ЭГ с вершиной *dati выделяются четыре семантико-словообразовательных центра: глагольный *dati и три именных *danь, *dagь и *datja. Концептуальным ядром семантики праслав. *dati, *damь являлось значение ‘дать, отдавать’ (процесс передачи объекта другому лицу), *danь – ‘дань, подать’ (объект обязательной передачи в качестве выкупа, платы, налога), *dagь – ‘дар, подарок’ (объект добровольной передачи в качестве подарка, вознаграждения, милости), *datja – *nomen actionis* ‘даяние, принесение в дар’.

Для праславянского уровня реконструируется 153 лексемы, распределяющихся между этими семантико-словообразовательными центрами:

1) *dati содержит 109 производных (71% от общего количества слов), среди которых представлены: возвратные глаголы *datise, *izьdatise, *izьdavatisе; вторичный инфинитив, обозначающий длительное действие, *dajati;

- имперфектив *davati, продолжающий и.-е. *dō-ц- с лабиальным расширением; префиксальные имперфективы, образованные от префигированных глаголов *izdavati, *nadavati, *obdavati; префиксальные глаголы, их имперфективы и возвратные дериваты *jъzdati(сѣ), *jъzdavati(сѣ), зафиксированные в современных этимологических словарях праславянской лексики и реконструированные нами методом заполнения пустых клеток в структуре ЭГ, образующих генетическую парадигму; существительные *nomen actionis* *dajъ//*daja, *jъzdaja, *prědajъ, *nomen agentis* *davaсъ, *davъсъ//*davъса и *nomen patientis* *davъka//*davъкъ//*davъку, *nadavъкъ; прилагательные *dajъпъjъ, *da-пъjъjъ; имя собственное *bogodanъ//*bogъdanъ;
- 2) *darъ, 32 производных которого составляют 21% от общего количества слов гнезда и включают: глагол *dariti и его дериваты (*daritise, *darovati и др.); существительные *nomen actionis* *darina, *darъba, *darъstvo, *nomen agentis* *daritelъ//*darovatelъ, *darъmъnikъ, *nomen patientis* *darъкъ//*darikъ, *darъje и *nomen collectivum* *darъje ‘свадебные подарки’; прилагательные *darežъ-пъ(jъ), *darъmovъ, *darъmъпъ; отглагольные наречия *darъmo, *darъma, *darъ-тъ; имя собственное *bezdarъ ‘не получающий даров, их не дающий’;
- 3) *danъ имеет 9 производных (6% от общего числа членов гнезда), среди которых представлены существительные *nomen acti* *danъnica, *nomen agentis* *danъnikъ и *nomen patientis* *danina, *danъкъ, *danъje ‘подать; наследство, приданое’, прилагательные *danъпъjъ, *danъскъ и имя собственное *daniborъ;
- 4) *datja представлен одним префиксальным производным с противоположным значением *nedatja ‘то, что не дано; неудача, несчастье, беда’.

Большинством современных этимологов значение праславянского корня *ber-, генетически продолжающего и.-е. *bher-, определяется как ‘нести, поднимать’ и признаётся факт развития в праславянских рефлексах и.-е. *bher- нового значения ‘брать, хватать’, которое стало более актуальным для семантики ЛГ *ber- и обусловило синонимию с корневой группой *em-.

На праславянском уровне реконструируется 137 единиц, продолжающих и.-е. корень *bher-, рефлексированный в вариантах: *ber- (например: *bermepěti, русск. *беременеть*); *bor- (*naborъ, русск. *набор*); *bъr- (*bъrati, русск. *брать*); *bir- (*sъbirati, русск. *собирать*). В *ber-//*bor- отражается старое качественное чередование [e : o]. Возникшие на славянской почве и обусловившие семантические различия в кругу глагольной лексики (ср. *bъrati и *birati – итератив к *bъrati) варианты *bъr-//*bir- являются продолжением количественного чередования [ī : ī̄].

ЛГ *ber- сформировано вокруг четырёх продолжений и.-е. *bher-. Два из них непосредственно продолжают старые и.-е. образования, сохраняющие древнее значение корня ‘нести’: *bermę ‘ноша, тяжесть’ (ср. русск. *цслав. бръмѣ* и русск. *бермя*), имеющее 18 производных, и *berdja ‘носящая во чреве’

(ср. русск. диал. *берёжая*), для которого реконструируется два деривата. Гораздо большее количество членов ЛГ *ber- (113) соотносится с праслав. новообразованием *bьrati, сохраняющим индоевропейский вокализм в презентных формах (*berQ) и отмеченным инновационным значением ‘братъ, хватать’. Праслав. *богь//*бога, которое является единственным продолжением и.-е. *bhoros ‘ноша’, соотносится с *bьrati как именное образование с о-вокализмом и реализует ту же инновационную семантику ‘то, что собрано; сбор’.

Среди 18 производных *berme представлены существительные, обозначающие различные виды ручной клади *bermo, *berменьje, *nomina instrumenti*, связанные с обозначением сосудов или приспособлений для переноски тяжестей *berменьница, *berma, *nomen agentis* *bermen(no)noša и деминутивы *berмиšče, *berменьсе; прилагательные *bermenать(жь), *bermenить(жь), *ber-меньль(жь); глаголы: *bermeněti, *bermeniti, *obbermeněti, значения которых можно определить как ‘становиться тяжёлым, беременеть’ и ‘нагружать, отягощать, делать тяжёлым’.

Праслав. *berdja из и.-е. *bherđdīā//*bherđdā сохраняет древнее значение своего корня *bher- ‘рожать, носить во чреве’. *Słownik prasłowiański* [SP] реконструирует для *berdja два производных: абстрактное существительное *berdestь и глагол *berditī//*berdati ‘становиться беременной, беременеть’.

Праслав. *богь//*бога из и.-е. *bhorōs можно определить как сущ. *nomen acti* ‘браньё, собрание, сбор’, а также ‘то, что собрано’. Под той же заглавной формой SP даёт несколько префиксальных производных: *jьzбогь, *naboгь, *отьбогь, *робогь, *sьбогь, *zaboгь. На основании описанных в *Этимологическом словаре славянских языков* [ЭССЯ] именных (*nomen acti*) реконструкций: *бегь < *bьrati, *jьzбогь < *jьzбьrati, *бигь < birati, *sьбогь < *sьбь-rati, представляется возможным объяснить происхождение этих дериватов от префиксальных глаголов *jьzбьrati, *nabьrati, *отьбьrati и т.п., непосредственно продолжающих праслав. *bьrati.

Наибольшей деривационной активностью в праславянском языке обладает рефлекс и.-е. *bher- – *bьrati, *berQ, развивающий инновационную для ЛГ *ber- семантику ‘братъ, хватать; срывать, собирать’, т.е. ‘приспосабливать, готовить к несению’. Среди его производных представлены: существительные *nomina acti* *бегь, *бегьба, *бегьна, *nomina agentis* *бераць, *берēja, *berica, *nomina patientis* *бегька//*berika, *бьranica, *nomina instrumenti* *beridlo, *bьradlo, *bьratina и названия рябины²: *berka, *berкъ, *berkovьсь и др.; прилагательные *бегьль(жь), *богькъ(жь); префиксальные глаголы, обозначающие различные действия приобщения объекта, реконструированные современными этимологическими словарями: *jьzбьrati, *nabьrati, *orzьrati, *sьбьrati, *ubьrati, а также восстановленные нами методом заполнения ‘пустых клеток’ *izьbьrati,

² ЭССЯ объясняет первоначальную семантику *ber-k-a (и его производных) как ‘берущая, ловящая птиц’: птиц привлекают её яркие ягоды, в изобилии усеивающие дерево и долго (до середины зимы) не опадающие.

*отъбрати, *робрати, *прібрати, *пробрати, *въбрати, *забрати на основании наличия в ЛГ *ber- именных производных *nomina acti* *nabogъ, *отъbogъ, *робogъ, *zabogъ, семантическая и словообразовательная структура которых позволяет предположить в качестве их производящих приставочные глаголы; глагол, обозначающий многократное действие приобщения объекта *birati, *birajQ и его возможные префиксальные производные *izbirati, *jъzbirati, *nabirati, *orzbirati, *otъbirati, *pobirati, *pribirati, *probirati, *sъzbirati, *ubirati, *vъbirati, *zabirati, реконструированные нами по аналогии с глагольными парами типа *ъграти → *събграти, а также с учётом широкой употребительности рефлексов *birati в сложениях с приставками в современных славянских языках; возвратные глаголы: *bgratiseъ, *biratiseъ, *izbgratiseъ, *izbiratiseъ.

К этому ЛГ авторы ЭССЯ относят лишённое и.-е. соответствий славянское новообразование *ъгакъ ‘супружеский союз, свадьба; свадебное торжество, пир’ семантика которого производна от значений славянского *ъгати. П.Я. Черных указывает на более позднее происхождение слова *брак* в славянском синонимическом ряду, обозначающем семейный союз, ср.: польск. *ślub* (откуда укр. и белор. *шлюб*), *małżeństwo*; чеш. *manželství*; словен. *zakon* ‘брак’ (ср. русск. устар. и просторечн. *жить в законе* ‘состоять в законном браке’) [Черных 1994]. Доказательством этому может служить описание в этнолингвистическом словаре *Славянские древности* [СД 1995] древнейших способов заключения брака у славян: умыкание невесты (русск. *умычка*, *уволочение*, *увоз*, польск. *porwanie*, сербохорв. *otimačina*, *umicanje*, *vlačenje*, болг. *влачене*, *завличане*, *грабване*), мнимое похищение – по взаимной договорённости парня и девушки против воли родителей невесты или с их тайного согласия (чтобы избежать расходов) или же самовольный уход девушки к жениху (русск. *умыкать*; *тихоматный брак*; *краденая свадьба*; *выкрадом*, *уводом*, *убёгом*; *уход*, *самоходка*, *самокрутка*; сербохорв. *вуча*, *краденье*, *грабеж*, *uskakanje*, *договорна отмица*, *добегванье*; болг. *пристанка*, *приследване*, *беганье*), купля невесты как взаимный обмен между родами.

Наряду с перечисленными праславянскими лексемами Ж.Ж. Варбот [Варбот 1993] реконструирует для ЭГ *ber- ещё несколько форм: *съвьгожь// *съвьгоја ‘совокупность носимых на теле средств защиты, латы; упряжь’, *оббегька ‘завершающая нижнюю часть строения (= обносящая) и несущая верхнюю часть балка’, прилагательное *вогькъжь, *ъгatina ‘сосуд для напитков’, *вогнь//*вогна ‘о большом количестве кого-, чего-л.’, существительные *nomina patientis* *рабегькъ, *sQbogъ//*sQbogъ, *zabogъ и *nomen acti* *обогъ// *обегъ//*обигъ. Н.М. Шанский [Шанский, Боброва 1994] предлагает отнести к этому гнезду русск. *барахло* – суффиксальное производное от той же основы, что и др.-русск. и диал. *борошень* ‘путевые пожитки, скарб’, восстанавливая такую словообразовательную цепочку: *барахло* букв. ‘движимое имущество, ручной скарб’ < *борохъло (в результате закрепления аканья на письме -оро- > -ара-) < борохъ < праслав. *borchъ < *богъ ‘собранное, ноша, движимое имущество’ < *ъграти (в исконном значении ‘нести’).

Итак, обзор материала свидетельствует о том, что 1) старое и.-е. значение ‘нести, ноша’ переместилось на периферию ЭГ *ber-, продолжая существовать исключительно в образованиях, связанных с основой *berme и отчасти с *berdja; 2) наиболее актуальным для семантического развития ЭГ *ber- в позднепраславянском стало новое значение ‘братъ’ (*bьrati), связь которого с изначальным ‘нести’ усматривается в том, что они соотносятся со смежными последовательными действиями, направленными на ‘приобщаемый//приоб-щённый объект’: ‘братъ’ что? ‘приобщаемый объект’ → ‘нести’ что? ‘приобщённый объект’; 3) инновационное праславянское значение ‘братъ’ (*bьrati), присущее ЭГ *ber-, обусловило синонимию этой корневой группы с ЭГ *em- (*jęti, *jьmati ‘братъ, взять’).

Праслав. *em-, продолжающий и.-е. корень *em- и заложенную в нём семантику ‘братъ, хватать’, принадлежит к общеславянскому корнеслову и прослеживается во всех славянских языках. В позднепраславянском с учётом апофонических отношений ему соответствуют варианты: *em-, *ьm-, *im-, в старом закрытом слоге *ę- с развитием протетического [j] в положении начала слова и после гласного. По данным этимологических словарей и Картотеки ЭССЯ на праславянском уровне реконструируется 121 единица этого ЛГ. В словообразовательном отношении все они входят в одно СГ с вершиной *jęti, *jьmQ, с точки зрения семантики, группируются вокруг трёх глагольных лексем, являющихся основой формирования и дальнейшего развития ЭГ *jęti.

Глагол *jęti, jьmQ обладает наибольшей деривационной активностью (включает 91 производное, что составляет 75% от общего числа слов) и имеет в качестве дериватов 17 префиксальных глаголов с возвратными формами, обозначающих различные действия приобщения объекта: *izęti(se), *najęti(se), *objęti(se); существительные *nomina acti* *jъzętja, *najьmъ, *nomina instrumenti* *objьjma, *jędlo, *nomina agentis* *najьmitь, *najьmьсь, *nomina patientis* *najętьje, *objętьkь, *nomen abstractum* *neprijateljstvo, название растения *Viscum album* *emela/*omela и имя собственное *jъzęslavь; 13 прилагательных, например: *jъzętьпь, *najьmьпьjь.

Вторым по значимости является семантико-словообразовательный центр, представленный глаголом *jьmati, вступающим в синонимические отношения с *loviti и праслав. инновационным центром *bьrati. Сохранение этого синонимического ряда в дальнейшей истории русского и других славянских языков позволяет предположить, что они различались оттенками значений, т.е. представляли собой семантические синонимы. Подтверждение этому находим в исследованиях В.А. Меркуловой [Меркулова 1989], которая считает, что основу семантики глагола *bьrati образует значение ‘братъ руками неподвижный предмет’, *jьmati – ‘хватать движущийся предмет, т.е. ловить’, а семантика *loviti реконструируется как ‘захватывать с помощью специальных приспособлений’. С точки зрения формальной структуры, *jьmati представляет собой глагол на -ati (итератив-дуратив), образованный от *jęti, *jьmQ

на базе презентных форм последнего, и имеет в праславянском языке 27 производных (что составляет 22% от общего количества слов гнезда), которые включают: семь глаголов (*jьmatise, *jьmovati³, *jьzimati и др.); существительные *nomina acti* *najьmanьje, *objьimьkь, *nomina agentis* *najь-mateljь, *lixoьjьmь, *nomina patientis* *neьjьmь, *neьjьmanьje, *nomen instrumenti* *jьmadlo; прилагательные *jьmovitьjь, *neьjьmovitьjь, *jьmanьjь.

Третий семантико-словообразовательный центр – глагол *jьmětĭ – представляет собой более позднюю праслав. инновацию с основой на -ětĭ- < и.-е. -ētĭ и обычно характеризуется как глагол состояния. Он представлен двумя производными: сущ. *nomen patientis* *jьměnye ‘то, что имеют, имущество, состояние, земельное владение’ и прилагательным *neьjьmovitьjь, предположительно, указывающим на признак того, кто не имеет – ‘неимущий, бедный’.

Из приведённых данных явствует очевидно намечающаяся специализация значений ядерных глаголов ЭГ *jětĭ, которая завершится их полной семантической дифференциацией в последующие периоды существования этого гнезда слов: для рефлексов *jьmati и *jětĭ характерны, соответственно, значения ‘брать – взять’, ‘хватать – схватить’, ‘вынимать – вынуть’, ‘донимать – донять’, противопоставленные по признакам – ‘действие приобщения объекта, не ограниченное пределом’//‘завершение процесса приобщения объекта – мгновенное действие, ограниченное пределом’, которые, в свою очередь, противопоставлены значениям посессивного глагола *jьmětĭ ‘иметь, обладать’, представляющего результат действия приобщения объекта – ‘состояние обладания приобщённым объектом’. Деривационная малоактивность глагола *jьmětĭ на праславянском уровне, по сравнению с родственными *jětĭ и *jьmati, объясняется, по-видимому, тем, что он представлял собой семантическую инновацию, развивая новое для данного корня значение. При всей кажущейся семантической разобщённости глаголов *jьmětĭ, с одной стороны, и *jětĭ, *jьmati, с другой, их значения объединяются общей семой ‘приобщение объекта’, следовательно, значения ключевых глаголов ЭГ *jětĭ на праславянском уровне образуют единый семантический ряд: *jьmati ‘процесс приобщения объекта субъектом, длительное действие, которое стремится к своему завершению, результату’ → *jětĭ ‘результат процесса приобщения объекта – объект приобщён субъектом’ → *jьmětĭ ‘состояние субъекта, обладающего приобщённым объектом’ (‘иметь’ можно только то, что уже взято). Таким образом, в праславянском языке на базе исходной и.-е. семантики ‘брать, взять, хватать’ развивается своеобразное, но вполне закономерное значение ‘обладать, иметь’, которое в дальнейшей истории этого гнезда славянской лексики в условиях дестимологизации глагола *jьmětĭ станет самостоятельным центром семантической и словообразовательной деривации.

3 ЭССЯ объясняет первоначальную семантику *ber-k-a (и его производных) как ‘берущая, ловящая птиц’: птиц привлекают её яркие ягоды, в изобилии усеивающие дерево и долго (до середины зимы) не опадающие.

Анализ семантики исследуемого праслав. корня позволил подтвердить для данного ЛГ ещё две формы: *jьтапъjь (русск. диал. *еманный*) и *раQкъ (русск. *паук*). Правомерность реконструкции пассивного причастия *jьтапъjь при праслав. *jьтаti подтверждается совпадением промежуточных звеньев схемы семантического развития, представленной Ю.П. Чумаковой [Чумакова 1986], и семантических моделей рефлексов праслав. *jьтапъjь в современных славянских языках и диалектах, ср. чеш. и словц. *jemnu*; макед. диал. *емен*; польск. диал. *jetnu, jatnu*; русск. диал. *ймный*: 1) 'хватать, брать' → 'подвергшийся действию хватания' → 'такой, которого легко схватить, поймать' → 'прирученный, смиренный' → 'кроткий, тихий, безобидный' → 'добродушный', 2) 'хватать, брать' → 'подвергшийся действию хватания' → 'такой, которого приятно взять' → 'приятный' → 'мягкий' → 'нежный, чуткий'.

В.Г. Складенко [Складенко 1992] считает возможным возведение праслав. формы *ра-Q-къ < *rōmkoс к префиксальному глаголу *roeti < *roem-tee 'взять, схватить, поймать'. Древнейшее значение и происхождение формы *раQкъ в этимологических словарях русского языка [Фасмер 1996; Черных 1994; Шанский, Боброва 1994] трактуется иначе: А.А. Потебня считает первоначальной форму *пауъ, сопоставляя её с *ут- (ср. др.-в.-нем. *wāttan* 'одевать', дравед. *vādh* 'ткать, материя'), Р.Ф. Брандт отождествляет корень -жкъ (*па-жкъ*) с греч. *ῥυχος* 'крючок', лат. *uncus* 'крюк' и объясняет значение слова *паук* из семантики 'искривлённый' (по загнутым лапкам). Подобной точки зрения придерживаются М. Фасмер, П.Я. Черных и Н.М. Шанский. Внимательное рассмотрение истории этого слова в русском языке в широком контексте научной (зоологической) и мифологической картин мира позволяет объяснить его внутреннюю форму через такие качества обозначаемого животного, как искусство прядильщика и ткача, хитрость и ловкость охотника, жадность и жестокость, что никак не связано с внешним признаком крюковатости и кривизны лап, поэтому слово *паук* следует возвести к общеславянскому ЭГ *jēti: *jēti > *rōeti > *раQкъ//*раjēкъ. Таким образом, семантическое развитие лексемы *паук* можно представить схемой: 'брать, хватать' → 'взять, схватить, поймать' → 'тот, кто ловит, хватает; ловец, охотник' → 'паук'.

Праслав. *nes- продолжает и.-е. корень *nek'-//*nok'-//en(e)k'-//*onk'-//*ŋk'- и заложенную в нём семантику 'достичь, прибыть, нести//носить, ноша, тяжесть', принадлежит к общеславянскому корнеслову и прослеживается во всех славянских языках. В позднепраславянском и.-е. *nek'- с учётом апофонических отношений соответствуют варианты: *nes- (*nesti, русск. *нести*, *jъznesti), *nos- (*nositi, русск. *носить*, *izъnositi, *nosja).

По данным этимологических словарей, картотеки ЭССЯ и методом заполнения пустых клеток в структуре ЭГ, входящих в генетическую парадигму, на праславянском уровне реконструируется 94 единицы этого ЛГ, составляющие одно СГ с вершиной *nesti, nesQ и его имперфективно-дуративного производного *nositi, которые являются основой формирования и дальнейшего развития ЭГ *nesti.

Среди реконструированных производных *nesti и *nositi представлены: 15 пар префиксальных глаголов (с возвратными формами), обозначающих различные действия перемещения объектов в определённом направлении с помощью рук или нагрузив их на себя *donesti(se) – *donositi(se), *jъznesti(se) – *jъznositi(se), *nanesti(se) – *nanositi(se); существительные *nomina acti* *dono-сь, *iznosъ, *nanosъ, *nomina agentis* *nositelj, *medonosъ и *nomina patientis* *nanosъ, *nosja, *obnosъ; 10 прилагательных, например: *ponosъпъjъ, *съposъпъjъ.

В семантике основного глагола намечается выделение четырёх переносных значений, которые в дальнейшем развитии данного ЭГ будут играть заметную роль в качестве семантических и словообразовательных подцентров: 1) ‘носить//вынашивать дитя, быть беременной’ (ср. производное от него сущ. *nomen patientis* *nedonosъкъ ‘дитя, которое не доносили’ и его рефлексy в современных славянских языках: болг. *недоносъкъ*, диал. *недоносче*, *недонохче*; макед. *недоносче*; сербохорв. *nedònošče*, диал. *nedònošče*, *nedonòšak*; польск. *niedonosek*; словин. стар. *nedoňosk*; русск. и укр. *недоносок*); 2) связанное с первым значение ‘нести, откладывать яйца’; 3) ‘ходить каким-либо образом одетым, носить одежду, обувь’ (ср. производное от него сущ. *nomen patientis* *obnosъкъ ‘поношенная, потрёпанная от долгой носки одежда или обувь’ и славянские рефлексy: русск. *обносок*, белор. *абносак*); 4) ‘перемещать, передвигать, увлекать силой своего движения (о воздухе, ветре, течении воды)’ (ср. производное от него сущ. *nomen patientis* *nanosъ ‘то, что наносится ветром или течением воды (ил, песок, мусор)’ и славянские рефлексy: болг. диал. *нанос*; макед. *нанос*; сербохорв. *nános*; словен. *nanòs*; чеш. *nános*; словац. *nános*; др.-русск., русск.-цслав. **наносъ** ‘клевета, наговор’, ‘нанесённый водой мусор’, русск. *нанос* ‘слой земли, песку, нанесённый текучей водой или ветром’, диал. *нанос* ‘деревья, брёвна и т.п., которые несёт река в половодье’ (перм., краснояр.), ‘мелкий песок, деревья, ветки на дне реки; мель в реке’ (смол., арх., алт.), ‘заливной луг’ (том.); ст.-укр. *наносъ* ‘донос, обвинение, клевета’, укр. *наніс* ‘нанос’, *нанос*; белор. *нанос* ‘нанос, намыв’.

Выделение этих значений уже на праславянском уровне обусловлено тем, что приведённые данные современных славянских языков, их диалектов и отмеченные в более ранних памятниках письменности рефлексy праслав. *nesti уже фиксируют не только эти производные значения, но и суффиксальные дериваты, специализирующиеся на обозначении имён действия и объекта, образованные на основе именно этих производных значений так же, как и в случае с вершиной гнезда *nesti: ‘нести, взяв в руки или нагрузив на себя’ → сущ. *nomen patientis* *noša (*nosja) ‘то, что носят, ноша, груз, переносимый на себе (обычно тяжёлый, значительный)’, ср.: ст.-чеш. *póšě* ‘груз, бремя, тяжесть’, чеш. *póše* ‘ноша, бремя’, диал. ‘перевязанные верёвкой охапка травы, сена, хвороста, переносимые на спине’; словц. *poša* ‘заплечный мешок’, диал. ‘бремя, ноша’, ‘котомка’; ст.-русск. *ноша* ‘количество чего-л., которое можно унести в один раз’, русск. *ноша* ‘груз, переносимый на себе’, диал.

‘то, что можно унести за один раз’ (арх., костр.), ‘охапка’ (арх., перм., смол., новосиб.), ‘груз объёмом в полмешка, столько, сколько может унести один человек’, ‘связка мочала как единица учёта’ (ср.-урал.), ‘пригоршня’ (арх.), ‘о цветочной пыльце на ножках пчелы’ (сиб., нижн. и средн. теч. р. Урал); блр. *ноша* ‘ноша’, диал. ‘мешок с грузом, который носят на спине’, ‘взятok мёда и пыльцы – то, что берёт пчела с цветов за один раз’.

Выводы

Итак, наши наблюдения показали, что немаловажную роль в представлении праславянской национальной картины мира играют лексические гнезда, ибо, по справедливому замечанию О.Н. Трубачёва, „словарь, сравнительно с текстом, даёт конденсированный характер отражения языковой картины мира” [Трубачёв 2002: 3], а диахронический словообразовательный словарь этимологического гнезда позволяет проследить формирование национальной языковой картины мира в динамике. Так, представленные в статье этимологические гнезда, составляющие генетическую парадигму *давать//дать* → *брать* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*, выявили следующие сферы жизни и деятельности „праславянина”:

- торговля, обмен дарами и подарками при организации торговли: *nadaвъкъ ‘доплата’, *davaць ‘тот, кто даёт, податель’, *izdati ‘дать взаймы’, *nadaвати ‘даровать, наделить правом владения’, *prodati ‘продать’;
- свадебный обряд, пир, семейные отношения: *jъzdati ‘выдать замуж’, *danъje ‘наследство, приданое’, *obdariti ‘принести свадебные дары’, *въgati-se ‘сочетаться браком’, *въgакъ ‘свадьба, брак, свадебный пир’;
- рождение и воспитание детей: *bermeněti ‘беременеть’, *nesti ‘носить ребёнка под сердцем’, *nedonosъкъ ‘недоносок, выкидыш’, *posiць ‘няня’;
- бытовые и государственные отношения: *давъка ‘налог, подать, дань’, *padati ‘осыпать бранью, поколотить’, *orzdati ‘выдать всё, разделить между всеми’, *podatja ‘милостыня’, *naъmati ‘брать в наём’, *jeъъje ‘тюрьма, темница’, *naposъ ‘клевета, донос’;
- сельское хозяйство: *obdati ‘задать корм скотине’, *nedaгъъjъ ‘скудный, неуродившийся (о хлебе), бесплодный’, *berdja ‘стельная, жеребая (о животных)’, *obbirati ‘собирать плоды’, *obbъrati ‘снятое молоко, сыворотка после сбитого масла’, *ubъgati ‘собрать урожай’, *jъmapъje ‘домашний скот’;
- ремёсла: *nabirati ‘собирать в складки, особым образом ткать узор’, *въgadlъja ‘женщина, которая снимает узоры’, *въgапъ ‘узорочная ткань’;
- утварь, посуда, приспособления для выполнения хозяйственных работ: *berna ‘сосуд для воды’, *berтъкъ ‘вязанка’, *obbiradlo ‘приспособление для сбора плодов’, *nabiгъка ‘корзинка’, *obbъradlo ‘наконечник дышла’, *объjма ‘обод для колеса’, *съвъгоjъ ‘упряжь’, *въgatina ‘сосуд для напитков’;

- военное дело: *otъdati ‘проиграв сражение, оставить неприятелю город, позиции’, *prĕdati ‘предать, изменнически выдать’, *sъdatise ‘прекратив сопротивление, признать себя побеждённым’, *nabogъ ‘воинский набор’;
- наименования лиц по роду деятельности: *bermĕnopoša ‘носильщик’, *obbĭgašъ ‘сборщик винограда’, *bĭgitĭjъ ‘глашатай, судебный пристав, сборщик податей’, *medobegъ ‘сборщик мёда’, *najъmašъ ‘наёмный работник, батрак’, *lĭxojъmъ ‘ростовщик’, *mytojъmъ ‘сборщик податей’;
- религия и мифология: *dadĭjъbogъ – инновационное славянское название божества – Бога дающего и дарующего, *bogodapъ – имя собственное ‘данный Богом’, *neprijazpъjъ ‘нечистая сила, черти’, *neprijateljъ ‘злой дух; дьявол’, *vъznositi ‘возвеличивать, возносить (молитву)’, *nositeljъ ‘домовой’.

Библиография

- Варбот Ж.Ж. (1993). *История славянского этимологического гнезда в праславянском языке*. В: *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: Доклады российской делегации*. Москва, Наука, с. 23–35.
- Меркулова В.А. (1989). *К вопросу о семантической реконструкции*. В: *Общеславянский лингвистический атлас*. Москва, Наука, с. 266–68.
- Скляренко В.Г. (1992). *Этимологічні розвідки*. Мовознавство 5, с. 11–16.
- Толстой Н.И. (ред.) (1995). *Славянские древности: этнолингвистический словарь*. Т. 1. Москва, Международные отношения, с. 244–250.
- Трубачёв О.Н. (2002). *Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)*. Вопросы языкознания 4, с. 3–24.
- Трубачёв О.Н. (ред.) (1974–2005). *Этимологический словарь славянских*. Москва, Наука.
- Фасмер М. (1996). *Этимологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург, Азбука, Терра.
- Черных П.Я. (1994) *Историко-этимологический словарь русского языка*. Москва, Русский язык.
- Чумакова Ю.П. (1986). *Лексика диалекта как источник реконструкции праславянского словаря*. В: *Этимология*. Москва, Наука, с. 216–224.
- Шанский Н.М., Боброва Т.А. (1994). *Этимологический словарь русского языка*. Москва, Прозерпина, Школа.
- Słowski F. (red.) (1974–1980). *Słownik prasłowiański*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.

Summary

The Problem of Research Vocabulary Proto-Slavic Language

The authoress of the present article touched upon the problems of diachronic description of lexical-semantic system of Russian from Common Slavonic's up to the modern state on the basis of research of genetically close lexicon united in derivational, root and etymological families are considered. The authoress proved the opportunity and necessity of distinguishing of a new complex lexical unit – a genetic paradigm in the structure of which etymological family of words on the basis of a genetic generality and semantic relations their components are united.